

Д. А. Боровков

КИЕВСКАЯ РУСЬ

ОТ ЯРОСЛАВА МУДРОГО
ДО ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Санкт-Петербург
2025

ББК 63.3(2)41/42
УДК 94(470) «1054/1150»
Б83

Боровков Д. А.
Б83 **Киевская Русь от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха.** — СПб.: Евразия, 2025. — 176 с.
ISBN 978-5-8071-0640-7

Очерки, составляющие эту книгу, повествуют не только о последних десятилетиях существования Киевской Руси — от раздела княжений между сыновьями Ярослава Мудрого в 1054 году до начала междоусобных войн за Переяславль и Киев между потомками Владимира Мономаха в начале второй трети XII века, — но и о том, каким этот процесс представлялся в трудах русских историков в разные эпохи, как изменялись хронологические вехи этого процесса, какое концептуальное значение вкладывалось в них на разных этапах развития исторической науки.

ISBN 978-5-8071-0640-7

© Боровков Д. А., 2025
© Лосев П. П., дизайн обложки, 2025
© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Завещание Ярослава I в первых трудах по русской истории (XVIII — вторая треть XIX века)	8
Эволюция идеи о приоритете «старейшинства» в теории родового быта	21
Завещание Ярослава I в полемике сторонников и противников теории родового быта	39
Завещание Ярослава I в лекционных курсах В. О. Ключевского	72
Владимир Мономах и «Повесть временных лет»	91
Владимир Мономах и политический кризис «Киевской Руси» в историографии XIX — начала XXI вв.	124
Заключение	161
Библиография	164

Введение

Эта книга тематически продолжает исследование сюжетов, начатое в книге «Киевская Русь эпохи Ярослава Мудрого», и представляет цикл очерков, первые четыре из которых развивают тему историографического изучения летописного завещания («ряда») Ярослава русскими историками XVIII–XIX веков от В. Н. Татищева до В. О. Ключевского и роли этого завещания в политическом развитии древнерусской государственности, за которой в историографии на рубеже XIX–XX вв. закрепилось название «Киевской Руси», на смену которому на рубеже 1940–1950-х гг. пришло наименование «Древнерусское государство».

Следует обратить внимание на то, что еще М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин рассматривали «ряд» Ярослава как один из наиболее важных моментов в процессе политического

- 6 раздробления государственной власти, получившего название «удельной», а позже «феодальной» раздробленности, так что младший современник Н. М. Карамзина Н. А. Полевой рассматривал этот «ряд» как начало новой системы политического развития — «семейного феодализма». Однако в силу социально-политических обстоятельств большее распространение получила трактовка «ряда» с точки зрения родовой теории междукняжеских отношений, в которой он рассматривался в рамках концепции о приоритете старейшего представителя княжеского рода.

Кроме очерков о «ряде» Ярослава I в книгу включены два очерка, посвященных деятельности самого известного из его внуков — Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125), политическая деятельность которого практически совпала с последним этапом существования «Киевской Руси».

В первом из этих очерков рассматривается вопрос о возможном влиянии Мономаха на процесс создания древнейшего из дошедших до наших дней летописных сводов — «Повести временных лет» (далее ПВЛ), которая, по всей видимости, была составлена в 1116 г. на основе предшествующего летописного (т. н.

Начального) свода настоятелем Выдубицкого монастыря св. Михаила в Киеве Сильвестром, позже занявшим епископскую кафедру в Переяславле, который был «стольным городом» Мономаха до его вокняжения на киевском столе в результате Киевского восстания 1113 г.

Во втором очерке, состоящем из нескольких экскурсов, во-первых, рассматриваются общие историографические характеристики государственной деятельности Владимира Мономаха, среди которых присутствуют как апологетические, так и критические оценки. Во-вторых, рассматриваются характеристики предполагаемой реформы наследования княжеских столов в Киеве и Переяславле не по принципу старшинства, а по праву первородства в семье его старшего сына Мстислава I Великого («ряд» Мономаха). В-третьих, рассматриваются датировки кризиса древнерусской государственности, начавшегося из-за междоусобий в семье Мономашичей при попытке осуществления этой реформы, которая привела к прекращению их монополии на владение киевским столом и повлекла за собой политический распад «Киевской Руси» во второй трети XII столетия.

Завещание Ярослава I в первых трудах по русской истории (XVIII — вторая треть XIX века)

Завещание или «ряд» Ярослава Мудрого — такое определение закрепилось за рассказом ПВЛ под 1054 г., об осуществленном киевским князем Ярославом I незадолго до своей смерти разделе городов (Киева, Чернигова, Переяславля, Смоленска и Владимира на Волыни) между пятью сыновьями — Изяславом, Святославом, Всеволодом, Вячеславом и Игорем, — сопровождавшимся наставлениями о сохранении единства между ними, как залога процветания Русской земли, и послушания старшему из братьев, остававшемуся вместо отца. Несмотря на то, что без упоминания об этом политическом акте не обходится ни одна общая или специальная работа по истории Древней Руси, интерпретации «ряда» Ярослава не рассматривались за пределами небольших экскурсов [Свердлов 2003, с. 434–437; Дербин 2007, с. 22, 25, 48; Кучкин

2012, с. 120–142; Фроянов 2015. с. 404–406; 9
Котышев 2019, с. 101–105].

Для таких работ как «Ядро российской истории» А. И. Манкиева, «История Российская» В. Н. Татищева, «Древняя русская история» М. В. Ломоносова, характерно цитирование или, в крайнем случае, пересказ древнерусских текстов, сообщающих о разделе 1054 г. В случае А. И. Манкиева это пересказ текста «Степенной книги» [Степенная книга 2007, с. 384; ср. Сиренов 2010, с. 366–371], в котором восходящие к ПВЛ слова о распределении Ярославом городов между своими сыновьями соседствовали с авторской трактовкой, из которой следовало, что Ярослав разделил государство на уделы [Манкиев 1771, с. 75]. В случае В. Н. Татищева это фрагмент Никоновской летописи, который во второй редакции «Истории...», датируемой 1748–1750 гг., подвергся стилистической правке и вставкам из Библии, но с точки зрения терминологии следовал за летописными формулировками, представлявшими раздел 1054 г. как раздел городов [Татищев 1995, т. II–III, с. 81–82; Татищев 1995, т. IV, с. 152; ср. ПСРЛ 9, с. 85–86]. В случае М. В. Ломоносова это воспроизведение рассказа Радзивилловской летописи, где при перечислении сыновей Ярослава пропущено имя

- 10 Игоря [Ломоносов 1766, с. 140]. Этот же источник, видимо, использовал в «Российской истории жизни всех древних от самого начала России государей» Ф. А. Эмин, допустивший ту же ошибку. В отличие от М. В. Ломоносова, который не успел закончить своего труда, Эмин дал развернутую интерпретацию раздела 1054 г., которая, однако, не отличалась точностью в деталях и носила более литературный, чем исторический характер [Эмин 1767, т. I, с. 449–452].

Более прогрессивной в теоретическом плане является интерпретация М. М. Щербатова в первых томах «Истории Российской от древнейших времен», вышедших в свет в 1770–1771 гг., которая основана на тексте введенной им в научный оборот Воскресенской летописи [ПСРЛ 7, с. 332–333]. Интерпретация Щербатова не ограничилась изложением раздела Ярославом «земель своей державы» между сыновьями [Щербатов 1770, т. I, с. 324–325], а включала попытки реконструкции сформулированного в «ряде» принципа наследования, который, по предположению исследователя, сделанному на основании наблюдений за порядком замещения киевского стола во второй половине XI — начале XII вв., должен был переходить от брата к брату в интересах укрепления власти

и преемственности, однако этого не произошло, поскольку каждый из князей стремился передать киевский стол своему сыну, что служило причиной междоусобных войн. М. М. Щербатов первым из историков раскрыл значение «ряда» Ярослава I как регулятора престолонаследования, а также провел аналогию между положением правителей Киева среди удельных князей, которым Ярослав передал по «ряду» верховную власть вместе с «первенствующим» киевским престолом, и положением главы «Священной Римской империи» среди германских монархов [Щербатов 1771, т. II, с. 254–257].

Тенденция к сопоставлению политических порядков на Руси и в Европе получила развитие после публикации в 1770 г. анонимного полемического сочинения *Antidote* (позднее атрибутированного Екатерине II), в котором были проведены аналогии между русскими князьями, получавшими уделы от великого князя, и французскими принцами, получавшими от короля апанажи или кормления, являвшиеся материальным обеспечением представителей правящей династии [Свердлов 1996, с. 21–24]. Вследствие этого в отечественную историографию была внедрена идея об общности политических процессов и общих форм земельной

- 12 собственности в эпоху Средневековья, как во Франции, так и на Руси, получившая наиболее последовательное выражение в «Кратком начертании Российской истории» М. Н. Муравьева, где раздел Ярослава I рассматривался как один из этапов «раздробления России на уделы», начавшегося в княжение его деда Святослава I и аналогичного практике «феодалного или поместного владения» в странах Европы [Муравьев 1847, т. II, с. 8].

Таким образом, «ряд» Ярослава был интерпретирован в рамках концепции социально-политического развития, сложившейся во французской историографии эпохи Просвещения [Свердлов 1996, с. 25–30, 35–37]. Эта концепция была разработана в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, публикация которой (1818) состоялась незадолго до публикации «Начертания...» М. Н. Муравьева (1819). Для обоих исследователей, являвшихся апологетами самодержавной монархии, характерны общие моменты: отождествление феодальной и удельной системы, соотнесение ее начала с разделом Святослава I, трактовка ее как угрозы единству государства вследствие разделения власти, провоцировавшего междоусобные войны.

Именно на этом делал акцент Карамзин, когда пересказывал в «Истории...» летописную статью 1054 г. «...Чувствуя приближение смерти, Ярослав созвал детей своих и хотел благо-разумным наставлением предупредить всякую распрю между ими. „Скоро не будет меня на свете, — говорил он, — вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга. Знайте, что междоусобие, бедственное лично для вас, погубит славу и величие Государства, основанного счастливыми трудами наших отцов и дедов. Мир и согласие ваше утвердят его могущество. Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском: повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновного“» [Карамзин 1988, т. II, стб. 21].

Раздел Ярослава расценивался Карамзиным как начало кризиса единой державной монархии, олицетворявшей единство древнерусской государственности: «Древняя Россия погребла с Ярославом свое могущество и благоденствие.

- 14 Основанная, возвеличенная единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трехсот лет». Несмотря на установление по «ряду» Ярослава приоритета старшего брата, как государя над младшими, Н. М. Карамзин писал, что «Изяслав считал себя более равным, нежели государем братьев своих», видя подтверждение этого тезиса в том, что они «по смерти Вячеслава в 1057 году *с общего согласия* отдали Смоленск Игорю (через два года потом умершему)» [Карамзин 1988, т. II, стб. 39, 41]. Подобная оговорка сближала его мнение с мнением М. Н. Муравьева, писавшего о том, что, хотя Изяслав являлся «государем народов российских», его младшие братья Святослав и Всеволод на первых порах разделяли с ним «бремя правления и опасности войны» [Муравьев 1847, т. II, с. 10–11].

Раздел 1054 г. для Карамзина имел значение важного исторического рубежа, но восприни-

мался не только как утверждение первенства киевского князя, но и как конец единовластной монархии, начало упадка русского государства. Из новаций Карамзина, предложенных при анализе летописной статьи 1054 г., надо отметить попытку объяснить отсутствие в Лаврентьевском и Радзивилловском (по терминологии историка — Пушкинском и Кенигсбергском) списках ПВЛ упоминания о том, каким княжением Ярослав наделил своего младшего сына Игоря. Исходя из того, что в Троицкой летописи, погибшей во время пожара Москвы в 1812 г., имя Игоря и место его княжения было дано в качестве глоссы к основному тексту, Карамзин предположил, что «город Владимир принадлежал сначала к области великого княжения и был отдан Игорю уже от брата старшего, как *частный удел Киевский*» [Карамзин 1988, прим. к II т., стб. 23]. Дальше этого замечания критические наблюдения Н. М. Карамзина над текстом статьи 1054 г. не пошли (позже, в процессе оформления теории родового быта, его предположения об особом характере удела Игоря Ярославича были отвергнуты).

Н. А. Полевой в «Истории русского народа» (1829–1833) попытался дистанцироваться от предшествующей историографической традиции,

16 что отразилось как в гипотезе о существовании в древнерусский период не одного, а нескольких государств, так и в предположении о существовании на Руси особой «норманнской феодальной системы», которую после смерти Ярослава I сменил «феодализм семейный» или «система уделов, обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде». Но о разделе 1054 г. Полевой писал именно как о разделе государства на отдельные княжества. Это было не единственное противоречие его концепции. Так, представляя раздел 1054 г. как продолжение раздела Руси по Днепру в 1026 г. между Ярославом и его братом, черниговским князем Мстиславом, Полевой все же должен был признать, что в 1054 г. на Руси появилось не два, а пять княжеств, создание которых было объяснено необходимостью в защите границ. Это объяснение противоречило утверждению о тождественности разделов 1026 и 1054 гг., но позволяло обосновать предположение о том, что раздел Ярослава I в 1054 г. положил начало федерации русских княжеств во главе с великим князем киевским [Полевой 1997, т. I, с. 197, 201–202].

В связи с революционными событиями 1830 г. во Франции наметился идеологический тренд

к тому, чтобы подчеркивать различие, а не сходство в историческом развитии России и Европы и сконцентрироваться на укреплении положения царского правительства. Благодаря этому тренду сложилась тенденция, противоположная той, что доминировала в русской исторической науке с последней четверти XVIII в., а ее следствием стал отказ от отождествления феодального периода в средневековой Европе и удельного периода в Древней Руси [Свердлов 1996, с. 66–74].

Одним из первых проявлений этой тенденции стал курс русской истории профессора Санкт-Петербургского университета Н. Г. Устрялова, писавшего о начале государствообразующих процессов с принятием христианства при Владимире I и их завершении при Ярославе I, после которого началось раздробление Руси в результате борьбы между князьями, являвшейся следствием «понятия о праве на удел каждого члена господствующей фамилии» [Устрялов 1839, ч. 1, с. 14]. Этот процесс способствовал консолидации древнерусского общества, противопоставлявшемуся феодальному обществу, которое сложилось в Западной Европе. Попыткой упорядочивания отношений внутри княжеского рода, по утверждению исследователя,

- 18 являлось завещание Ярослава, который не только распределил области между сыновьями, но и установил, что «старший в княжеском семействе есть глава государства, посредник, миротворец и защитник своих братьев, которые обязаны чтить его, как отца, но в то же время имели неотъемлемое право на свои уделы». Утверждение, что с момента раздела Ярослава «Русь образовала систему союзных государств, друг от друга независимых, тем не менее, соединенных в одно целое верою, языком и господством одного дома» [Устрялов 1839, ч. 1, с. 124] свидетельствует о том, что на построения Устрялова могла оказать влияние как концепция Н. А. Полевого о федерации русских княжеств (без его суждений о «семейном феодализме», которые не вписывались в идеологические установки 1830-х гг.), так и родовая теория, во второй половине 1820-х гг. получившая развитие в исследованиях группы историков-юристов из Дерптского университета, во главе с И. Ф. Г. Эверсом.

Подводя итог анализу интерпретаций «ряда» Ярослава I в трудах русских историков XVIII – первой трети XIX вв., надо подчеркнуть следующие особенности. Для работ А. И. Манкиева, В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова характерна

тенденция к пересказу содержания летописной статьи 1054 г. по текстам древнерусских памятников с частичной модернизацией терминологии, выражавшейся в замене летописной формулы о разделе городов на формулу о разделе государства (за исключением Татищева) и отсутствием авторского комментария. В этом плане ситуация меняется с появлением работ Ф. А. Эмина и особенно М. М. Щербатова, который интерпретировал «ряд» Ярослава I как регулятор принципа наследования киевского стола, а также провел первые аналогии между политическим положением киевского князя и главы «Священной Римской империи», развитие которых способствовало сближению социально-политических процессов в Древней Руси (удельный период) и средневековой Европе (феодалная раздробленность). Эта тенденция, заложенная автором полемиического сочинения *Antidote*, получила продолжение в исторических работах М. Н. Муравьева, Н. М. Карамзина и Н. А. Полевого, представлявших первые опыты концептуальных интерпретаций раздела Ярослава как одного из этапов феодальной раздробленности русского государства. В результате изменения идеологической конъюнктуры в 1830-х гг.

- 20 эти представления сменила теория о родовом характере междукняжеских отношений. Таким образом, можно выделить два следующих друг за другом исследовательских подхода к интерпретации «ряда» Ярослава I, условно обозначив их как доконцептуальный и концептуальный.

Эволюция идеи о приоритете «старейшинства» в теории родового быта

Теория родового быта (родовая теория) обязана своим возникновением трудам исследователей Дерптской юридической школы во главе с И. Ф. Г. Эверсом. Его научное творчество получило широкое освещение в историографии [Шевцов 1973, с. 6–24; Шевцов 1975, с. 55–70; Шикло 1996, с. 124–135; Дербин 2007, с. 55–57; Горькова 2013, с. 32–37], поэтому мы ограничимся рассмотрением вопроса о том, каким образом происходило формирование элементов теории, касавшихся приоритета «старейшинства» в княжеском роду.

Опираясь на анализ памятников права, Эверс проследил процесс поэтапного формирования государства от патриархальной семьи к родовым, а затем племенным объединениям. Власть первых государей, по его мнению, мало отличалась от власти старейшин рода, которые